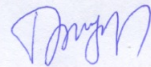

На правах рукописи

ЦЫРЕМПИЛОВ Николай Владимирович

**Государство и бурятская буддийская община
в Российской империи XVIII - начала XX в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Улан-Удэ – 2015

Работа выполнена на кафедре истории Бурятии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Бурятский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Скрынникова Татьяна Дмитриевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт восточных рукописей РАН, заведующий отделом Центральной и Южной Азии, г. Санкт-Петербург

Жуковская Наталия Львовна, доктор исторических наук, профессор, Институт этнографии и антропологии РАН, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований, г. Москва

Амоголонова Дарима Дашиевна, доктор исторических наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, г. Улан-Удэ

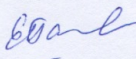
Ведущая организация: **Департамент истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ - филиал в г. Санкт-Петербург)**

Защита состоится «17» декабря 2015 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.022.07 при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении «Бурятский государственный университет» (670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а) и на сайте ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» <http://bsu.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д-р ист. наук, профессор

Е.Н. Палхаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования определяется безусловной важностью вопросов взаимодействия между религиозными институтами и государством для изучения истории государств и религий. Понимание законов, по которым выстраиваются взаимоотношения между имперской властью и религиозными общинами, способно прояснить многие вопросы, которыми задаются как историки, занимающиеся исследованиями природы империй, так и религиоведы, разрабатывающие проблемы формирования религиозных институтов. С одной стороны, империи всегда были для религий как сферой возможностей для развития и распространения, так и полем постоянных вызовов и принуждений к трансформациям. С другой стороны, религии представляли для империй неисчерпаемый источник власти, ее легитимации и сакрализации, эффективный механизм принуждения и контроля над подданными и, наконец, пространство и средство для идеологической и территориальной экспансии. Несмотря на то, что возникшие на осколках империй национальные государства строят свою религиозную политику на принципиально ином фундаменте, имперский опыт имеет важное и все еще недостаточно отрефлексированное значение для современных государств в их взаимоотношениях с религиозными общинами.

Буддизм является религией, для которой идеи государства, верховного правителя, государственного регулирования внутриобщинных дел являются исключительно важными. Россия имеет почти трехсотлетний опыт взаимоотношений с буддистами, однако этот опыт пока еще недостаточно осознан и понят. Без осмысления, анализа и суммирования этого беспрецедентного исторического опыта в деле выстраивания отношений с традиционными буддистскими обществами крайне сложно выработать эффективную и оптимальную линию взаимодействия с современным буддийским миром как внутри страны, так и за ее пределами. Именно поэтому актуальность исследования вопросов исторического взаимодействия Российского государства с самой

крупной традиционной буддийской общиной, которую формируют бурятские буддисты, представляется несомненной.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования показана во Введении. В обзоре исследований по данной теме все они условно распределены по трем группам по хронологическому принципу: 1) исследования, датирующиеся XVIII – началом XX вв.; 2) историография XX века, в отечественной истории приходящаяся в основном на советское время; 3) исследования последних трех десятилетий, в России характеризующиеся отходом от советских идеологических клише. Первую группу составили изыскания российских исследователей, самыми ранними из которых были немецкие ученые Иоганн Георг Гмелин, Герхард Фридрих Миллер, Петр Симон Паллас и Иоганн Готлиб Георги. Несмотря на то, что в целом эти труды были всего лишь полевыми описаниями, российские путешественники уже располагали сведениями о тибето-монгольском буддизме, его зарубежных центрах и могли судить о перспективах этой религии в Российской империи. Принципиально новый, дополненный оригинальными письменными источниками и архивными материалами подход к изучению буддизма бурят связан с именами выдающегося российского монголоведа О.М. Ковалевского (1800-1878), видного православного деятеля Архиепископа Нила (1799-1874), русского правоведа, дипломата и государственного деятеля Федора Андреевича Бюлера (1821-1896), крупного российского монголоведа Алексея Матвеевича Позднеева (1851-1920), чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел Владимира Вашкевича, князя Эспера Ухтомского и др.

Переходя к анализу историографии второй группы, отметим, что в советский период крупнейший вклад в изучение истории бурятской буддийской общины в Российской империи сделала известный ученый-тибетолог К.М. Герасимова. При полноте источниковой базы и высоком уровне научного анализа работы Герасимовой, как и многие другие образцы советской историографии, имели серьезный методологический недостаток – явное влияние предустановленных и предполагаемых логикой советской идеологии утверждений и заключений.

Общие экскурсии и рассмотрение частных вопросов истории взаимоотношений между российскими властями и буддийской общиной Байкальского региона можно найти также в работах других советских и монгольских ученых, занимавшихся различными аспектами истории бурят Б.Б. Барадийна, М.Н. Богданова¹, В. Гирченко², Г.Н. Румянцева³, Е.М. Залкинда⁴, монгольского источниковедения Б. Ринчена⁵ и др., традиционных религий Н.Л. Жуковской⁶ (Жуковская, 1977), К.М. Герасимовой⁷ и др.

К третьей группе нами отнесены исследования постсоветского времени. Настоящий исследовательский бум вокруг вопросов истории буддизма в России продолжается в течение последних двух десятилетий. Такие исследователи, как Л.Л. Абаева, Г.Р. Галданова, К.М. Герасимова, С-Х.Д. Сыртыпова разрабатывали вопросы буддийской ритуалистики и обрядности; Ц.П. Ванчикова, Г.Р. Галданова, Х.Ж. Гармаева, Т.В. Ермакова, В.Ц. Лыксокова, Б.В. Очиров, Ц-Х.В. Очирова, С.Д. Тубчинов, С.И. Шоболова и др. осуществляли исследования, переводы и издание архивных материалов и источников по истории буддизма в России или биографии выдающихся буддийских деятелей; А.И. Андреев, П.В. Берснев, Д.С. Жамсуева, Н.Л. Жуковская, А.А. Терентьев, Б.Д.

---

¹ Богданов, М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / под ред. проф. Н.Н. Козьмина. Верхнеудинск, 1926.

² Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой

² Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ: Государственное бурят-монгольское книжное издательство, 1939.

³ Румянцев Г.Н. Архив Засак-ламы Галсана Гомбоева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959.

⁴ Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. Москва: «Наука», 1970.

⁵ Four Mongolian historical records. Ed. and translated by Dr. B. Rinchen. Mongol pitaka. Vol. 2. Indo-Asian literatures. New Delhi, 1959.

⁶ Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. Москва: Изд-во «Наука», 1977.

⁷ Герасимова К.М. Сущность изменения буддизма // Критика идеологии шаманизма. Улан-Удэ, 1965. С. 45-56.

Цыбенков, Ш.Б. Чимитдоржиев, Д.Г. Чимитдоржин исследовали различные вопросы истории становления буддийской сангхи в Российской империи и государственной политики России по отношению к ее буддийским подданным в Восточной Сибири в различные исторические периоды – с конца XVII по начало XX вв.

В диссертационном исследовании сделан вывод о сложившемся в современной историографии положении, которое настоятельно диктует необходимость проведения целостного исследования истории взаимодействия Российского государства с бурятской буддийской общиной с привлечением широкого круга источников и с современных теоретико-методологических подходов.

Источниковая база исследования. Основную источниковую базу для данного диссертационного исследования составили материалы из архивов центральных ведомств и учреждений Российской империи, хранящиеся главным образом в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), а также в региональных архивах, таких как Архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (АФ ЦВРК), Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Государственный архив Республики Бурятии (ГАРБ), Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), Библиотека тибетских трудов и архивов (LTWA, Дхарамсала, Индия). Нами также активно использовались данные из оригинальных источников на монгольском и тибетском языках, среди которых центральное место занимают монастырские уставы и исторические хроники. Эти материалы обнаружены нами в Монгольском фонде и Фонде Г-Д. Нацова ЦВРК ИМБТ СО РАН (МФ и ФН ЦВРК) и Рукописном отделе Института восточных рукописей РАН (РО ИВР РАН).

Материалы, датирующиеся XVII-XVIII вв. обнаружены нами в архивах ЦВРК ИМБТ СО РАН и РГАДА. Большой исследовательской удачей оказалось выявление архива Засак-ламы Галсана Гомбоева. В составе этого уникального архива были обнаружены важные для темы исследования указы российских монархов, в которых прописаны первые принципы регулирования

дел бурятских буддистов. Из материалов фондов РГАДА следует отметить сохранившиеся указы Селенгинской воеводской канцелярии о выделении земельных угодий ламам Цонгольского дацана, датирующиеся серединой XVIII века и сведения о местах расселения семьи Сахулака, деда первого Хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева.

Материалы по истории формирования системы духовной администрации буддистов в XIX – нач. XX вв. и проекты законодательств по управлению буддистами Восточной Сибири хранятся в РГИА, ГАРБ, ГАИО и ГАЗК. Что касается Российского государственного исторического архива, здесь материалы, связанные с тематикой нашего исследования, хранятся главным образом в делах Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (РГИА, фонд 821) и I Сибирского комитета (РГИА, фонд 1264). В частности, нами были исследованы неопубликованные проекты законодательства для управления буддистами Восточной Сибири, составленные в разные годы П.Л. Шиллинг фон Канштадтом (РГИА, ф. 1264, оп I/54, д. 212а), А.С. Лавинским (РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 408), П. Успенским (Там же), камер-юнкером Левашевым (РГИА, ф. 821, оп. 1, д. 409), Н.Н. Муравьевым-Амурским (РГИА, ф. 821, оп. 1, д. 409а), а также «Временная инструкция об управлении делами Ламайского духовенства в Иркутской губернии 1890 г.» (РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 423). Нами были изучены материалы начала XX века, в которых содержатся проекты нового законодательства по управлению делами бурятских буддистов (РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 426). Кроме того, нами были использованы материалы объемного отчета Князя Э.Э. Ухтомского о его поездке в Забайкалье в 1886 г. с целью ревизии буддийских дацанов (РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 420). Данный отчет содержит, между прочим, критический разбор Ухтомским «Положения о ламайском духовенстве 1853 года».

Использованные в исследовании материалы могут быть классифицированы по форме и содержанию. Они представлены 1. правительственными указами; 2. распоряжениями, циркулярами и протоколами местных и общероссийских органов власти, в частности Департамента духовных дел иностранных исповеданий

Министерства внутренних дел, Департамента общих дел этого же ведомства, Главного управления Восточной Сибири, Сибирского комитета, генерал-губернаторства Восточной Сибири, Иркутского генерал-губернаторства и других ведомств; 3. внутренними распоряжениями и циркулярами канцелярии Бандидо Хамбо-ламы; 4. отчетами и очерками правительственных чиновников и православных миссионеров.

Особый интерес представляют дела, в которых рассматриваются отдельные вопросы, решавшиеся совместно правительственными органами и буддийской религиозной администрацией. Так, нами использованы дела о назначении, утверждении и смещении Хамбо-лам (РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1236; РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 417; РГИА, ф. 821 оп. 8, д. 1226), о сносе культовых объектов, не входящих в список разрешенных, о дозволении бурятам носить одежду красного цвета, о разрешении проведения ритуального танца Цам (РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1236) и т.д.

Отчеты российских правительственных чиновников и исследователей, очерки православных миссионеров стали важным источником сведений при проведении данного исследования. Среди них следует особо отметить два обстоятельных доклада князя Э.Э. Ухтомского по результатам его инспекционной поездки по Забайкалью по заданию Министерства внутренних дел (РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 420), неопубликованный доклад крупного российского монголоведа А.М. Позднеева (АВ ИВР РАН, Ф. 44, «Позднеев А.М. Буддизм в Забайкалье», оп.1, ед.хр. 128) о современном ему состоянии бурятских буддийских дацанов, опубликованные очерки А.И. Термена⁸ и отца И. Подгорбунского⁹. Главная ценность этих документов в их исключительной

---

⁸ Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области // Байкал. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2007. № 5, сентябрь–октябрь. С. 119–132.

⁹ Подгорбунский, Иннокентий. Буддизм, его история и основные положения его учения. Иркутск, 1901.

информативности. Авторы раскрывают в них различные стороны жизни российских буддистов и обитателей монастырей.

Среди наиболее важных и уникальных документов следует отметить «Устав монголобурятского духовенства», составленный в 1831 году видным российским ученым и сотрудником Министерства иностранных дел П.Л. Шиллинг фон Канштадтом. Это единственный сохранившийся экземпляр этого важнейшего документа, с которого, собственно, начинается история систематического правового регулирования буддийской общины в Российской империи. Нами также активно использовались данные из оригинальных источников на монгольском и тибетском языках, среди которых центральное место занимают монастырские уставы (РО ИВР РАН, М 5 D 217; ФН ЦВРК, оп. 3, д. 40), в которых подробно излагается внутренняя структура и свод правил, по которым жила буддийская община бурят в первой половине XX века. Большую важность в ходе исследования представляли биографии буддийских лам - Хамбо-ламы Д-Д. Итигэлова (МФ ЦВРК, М I-279); А. Доржиева (ЛТВА, Асс. No. 17310); Д-Д. Заяева («Записка Чимитова»), бурятские исторические хроники XIX века – «Бичихан записка» (МФ ЦВРК, М I-43), «Краткое историческое сочинение» Агвана Доржиева (МФ ЦВРК, М I-46), «Прошлая история хоринских и агинских бурят» Тугульдура Тобоева (МФ ЦВРК, М I-16); «История селенгинских бурят-монгольских родов» Сайнцака Юмова (МФ ЦВРК, М I-8), «История о происхождении одиннадцати хоринских родов» Вандана Юмсунова (МФ ЦВРК, М I-13), путевые записки, среди которых «Предание о хождении Хамбо Заяева за Учением» (МФ ЦВРК, М II-342), «Предание о хождении в Тибет Бандидо Хамбо Заяева» (МФ ЦВРК, Коллекция В.Д. Борбоева, № 3499(2)) и др.

Целью диссертации является исследование *политики* Российского государства в отношении бурятской буддийской общины, рассматриваемой как совокупность законодательных инициатив и административных мер, с момента возникновения таковой до выхода в свет в 1905 году указа «Об укреплении начал веротерпимости», а также степени и форм участия самого бурятского буддийского духовенства в формировании этой политики.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

– проанализировать конкретные политико-административные меры органов власти Российской империи различных уровней по установлению контроля над деятельностью организованной буддийской общины и формированию религиозной администрации буддистов региона;

– подвергнуть анализу исторические условия распространения буддизма в Байкальском регионе и изначальные принципы его отношений с властями;

– проанализировать конкретные политико-административные меры органов власти Российской империи различных уровней по установлению контроля над деятельностью организованной буддийской общины и формированию религиозной администрации буддистов региона;

– подвергнуть анализу различные проекты законодательств по управлению буддийской общиной Байкальского региона;

– обобщить факты, свидетельствующие о влиянии международного фактора на изменение политики Российской империи в отношении бурятской буддийской общины;

– выявить особенности восприятия бурятскими буддистами как конкретных политико-административных мер государства и официальной церкви, так и Российской империи в целом;

– исследовать развитие взглядов на государство и его функции по отношению к религиозной общине у бурятских буддистов в исторической перспективе;

– дать характеристику главным принципам политики государства и официальной церкви в отношении буддизма в Байкальском регионе в их историческом развитии, изучить опыт реализации этих принципов;

Объектом исследования являются конкретные формы взаимодействия буддийской общины бурят с Российским государством в их историческом развитии.

Предметом исследования является анализ закономерностей и особенностей в развитии отношений между государством и

бурятской буддийской общиной, становлении религиозной администрации буддистов Байкальского региона.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются принципы объективности, историзма, ценностный и системный подходы, определяющие сущность исторического познания.

Историзм как принцип научного исследования предполагает рассмотрение социально-исторических явлений как неотрывно связанных с конкретно-историческими условиями их существования и развития. Принцип историзма отнюдь не отменяет наличие в общественных явлениях инвариантных форм, но сами эти устойчивые элементы могут выделяться и наблюдаться лишь в контексте непрерывных исторических изменений. В то же время историзм предполагает исследование ограниченного интервала времени без попытки создания оторванных от истории моделей, он базируется на изучении конкретных политических, экономических, военных и культурных институтов, а не обобщает некие надуманные культурные идеалы.

Принцип объективного взгляда на историю дал возможность провести углубленное изучение источников и архивных материалов, не обусловленное политическими и идеологическими установками их создателей. Широкая источниковая база, включающая материалы, связанные как с субъектом, так и объектом религиозной политики, позволила сделать научные выводы, свободные от идеологических или иных пристрастий. В то же время ценностный подход помог нам понять доминирующие установки и мотивы участников взаимодействия между бурятской буддийской общиной и российским государством. Важным для исследования стал системный подход, поскольку изучение религиозных институтов и их интеракций со сложным и неоднородным организмом государства требует рассмотрения их в виде целостности, иерархичности и упорядоченности их элементов, восприятия их как сложной системы со множеством подсистем.

В исследовании были применены и другие специальные исторические методы. Среди них – историко-типологический подход, давший возможность выделить общие тенденции во

множестве элементов взаимодействия между буддийскими институтами и государственными органами управления; историко-генетический, позволивший реконструировать с одной стороны те общие черты в историческом опыте буддийских традиций, которые позволили им выстраивать симбиотическую связь с государством, а с другой стороны – причинно-следственные связи и закономерности развития политики России в отношении религиозных меньшинств. Важный для исследования диахронный метод позволил показать преемственность и динамику процессов взаимодействия организованной буддийской общины с государством в различных регионах распространения буддизма, а также этапов развития государственной политики в отношении буддизма бурят в Российской империи. Благодаря синхронному методу стало возможным проанализировать место и особенности подходов к «буддийскому вопросу» в рамках религиозной политики Российской империи в целом. При использовании как синхронического, так и диахронического аспектов применялся историко-сравнительный метод, предполагающий, что социальные явления не могут рассматриваться как статические, вневременные модели, но должны восприниматься как открытые для взаимодействия и влияния, а потому подвергающиеся сравнительному анализу системы.

Важным методологическим основанием данного диссертационного исследования стал ситуационный метод как альтернатива региональному подходу в исторических исследованиях. В отличие от последнего, первый предлагает рассматривать объект исследования не в границах определенного региона как самодостаточного целого, но в процессе реконструкции «ситуации взаимодействия в возможной полноте»¹⁰.

В процессе исследования был также задействован и диалектический метод, поскольку он дает возможность рассматривать процессы взаимодействия во взаимосвязи всех составляющих его элементов.

---

¹⁰ Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. Москва: «Новое литературное обозрение», 2008. С. 28.

В ходе работы с источниками были задействованы комплексные источниковедческие методы: атрибуция, текстология, критика текста, сравнение, интерпретация и синтетическая критика источника.

Хронологические рамки исследования включают период с начала XVIII века, то есть времени первых государственных инициатив в сфере регулирования духовных дел бурятских буддистов, до начала XX века. Нижняя хронологическая граница исследования проходит до момента опубликования 11 апреля 1905 года Указа «Об укреплении начал веротерпимости». Дарование свободы религиозного самоопределения означало конец религиозной политики по имперскому образцу и начало новой эпохи взаимоотношений между буддийской общиной и российским государством, поэтому мы не рассматриваем процессы, непосредственно связанные с этим событием в данном диссертационном исследовании.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию фактического распространения монастырского буддизма в Иркутской губернии и Забайкальской области на начало XX века: от прихода Тункинского и Аларского дацанов на западе до прихода Токчинского дацана на востоке, от Баргузинского дацана на севере до Цонгольского на юге. В различных частях диссертации нами используется термин «Байкальский регион», под которым мы имеем в виду обширную географическую область, включающую Прибайкалье и Забайкалье. С середины XVII до начала XX века эти территории входили в состав Нерчинского воеводства Тобольского разряда Сибирского приказа, Селенгинского воеводства Иркутской провинции Сибирской губернии, Иркутской губернии и Забайкальского края (с 1851 г. Забайкальской области) Иркутского генерал-губернаторства и Забайкальской области Приамурского генерал-губернаторства. Буддийские приходы располагались на территориях различных административных образований, и термин «Байкальский регион» используется нами как способ избежать излишне частых уточнений.

Основные положения, выдвигаемые на защиту:

1. Несмотря на оценки некоторых философов, буддизм это религия, для которой понятия государства и светского правления являются стержневыми, что доказывается на многочисленных примерах активного взаимодействия различных региональных буддийских традиций с государственными образованиями в странах и регионах Азии. Здесь буддийские общины, как правило, занимали подчиненное положение и позволяли светским правителям регулировать внутриобщинные дела. Буддисты относились к централизованной монархической власти как к сакральному порядку и многое делали для его укрепления.

2. На первом этапе региональные власти в России, на которых легла ноша по определению принципов взаимодействия с бурятской буддийской общиной, только реагировали на инициативы самих буддистов по формированию модели сотрудничества. Главными целями правительства на этом этапе, впрочем, не очень успешно достигаемыми, были а) изоляция бурятской буддийской общины от влияния заграничных единоверцев; б) контроль над численностью монахов; в) централизация буддийской общины.

3. Разработка законодательной базы для управления духовными делами буддистов Байкальского региона шла на фоне борьбы межведомственных интересов и обуславливалась конкуренцией между либеральной и консервативно-охранительной политическими стратегиями. Позднее к этим стратегиям присоединится третья – утилитарная, предполагавшая использование буддийского фактора в продвижении российских интересов в Азии.

4. Система взаимодействия между российским государством и организованной буддийской общиной стабилизировалась во второй половине XIX века с принятием «Положения о ламайском духовенстве 1853 г.». За этот период были отработаны механизмы смещения и назначения Хамбо-лам и ширетуев, достигнуто постоянство в численности дацанов и штатных лам.

5. В период поздней империи при формировании государственной политики в отношении бурятской буддийской сангхи важную роль начинают играть соображения политического характера, вызванные стремительным расширением российского влияния в Азии. Буддийские администраторы сами ищут пути

снижения влияния заграничного буддийского духовенства на паству. Накануне и в период революционных событий буддисты инициируют пересмотр религиозного законодательства и активно участвуют в обсуждении новых законов.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

В диссертации впервые дана комплексная характеристика и оценка процесса взаимодействия организованной бурятской буддийской общины и российского государства в макрорегиональном и межцивилизационном аспектах. Новаторским для историографии является выявление общих и специфических черт формирования буддийской общины в Российской империи в сравнении с другими мировыми регионами распространения буддийских традиций. Новизна диссертационного исследования обуславливается также и тем, что в его рамках впервые дана характеристика религиозной политики России в отношении буддийской сангхи в сравнении с политикой в отношении других групп религиозных меньшинств.

На базе вводимых в научный оборот архивных документов и оригинальных источников впервые в историографии детально проанализированы различные проекты законодательства для управления духовными делами бурятских буддистов, выявлена их преюмственность, показаны попытки заимствования из административного опыта Цинской империи. В исследовании показана картина неоднородности и противоречивости правительственной политики, обусловленной интересами различных ведомств.

В диссертации осуществлена комплексная реконструкция развития законодательной базы и конкретных механизмов управления делами буддистов Байкальского региона, продемонстрированы примеры реакции властей и представителей буддийской общины на конфликтные ситуации и столкновения интересов. Подвернуты комплексному анализу различные аспекты государственной политики по отношению к буддийской общине бурят, в частности, – цензура буддийской литературы, книгопечатание, религиозные миграции. На многочисленных

примерах показано, что формирование системы администрирования духовных дел бурятских буддистов было процессом, в котором участвовали разнообразные акторы, в том числе и сами буддисты, имевшие собственные мотивы и интересы.

Научная новизна диссертации также определяется введением в научный оборот ряда неизвестных научному сообществу источников на тибетском, монгольском и русском языках, а также уникальных архивных дел, ранее считавшихся утерянными или несуществующими. В работе эти труды подвергнуты подробному разбору и сравнительному анализу, в результате которого определена их историческая ценность и значение.

Кроме того, впервые подробно рассмотрено влияние публицистических трудов православных миссионеров на особенности восприятия «буддийской проблемы» властями и обществом в период усиления охранительных и консервативных настроений в Российской империи, а также особенности восприятия христианства, империи и царской власти в бурятской буддийской историографии. На многочисленных примерах показано историческое развитие взглядов на буддизм в русской общественной мысли и православной публицистике, а также эволюция воззрений самих буддистов на российское государство и фигуру самодержца.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что его положения и выводы могут представлять ценность для исторических, политологических и религиоведческих исследований. Результаты исследования могут быть востребованы при формировании принципов научнообоснованной государственной политики в отношении буддистов как внутри страны, так и за рубежом, в сфере межэтнического взаимодействия, образования, культуры. Теоретические результаты данного диссертационного исследования могут использоваться для подготовки курсов по истории России, истории буддизма, религиоведения, политологии и культурологи.

Апробация работы. Основные результаты исследования представлены в научных трудах и докладах. Всего диссертантом опубликовано 60 научных работ объемом 127,3 п.л., из них 3 рецензируемые монографии, 3 аннотированных каталога

монгольских и тибетских источников, 13 статей в изданиях, рекомендованных ВАК для опубликования научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, 1 статья в издании, индексирующемся в международной системе научного цитирования Web of Science и 3 статьи в изданиях, индексирующихся в Scopus.

Отдельные положения и выводы диссертации представлены в докладах и сообщениях на конференциях и симпозиумах по истории и религиоведению, в том числе на: международного конвента Association for the Studies of Nationalism (Нью-Йорк, 2014), международной конференции Northeastern Slavic, East European and Eurasian Conference (Филадельфия, 2014), международной конференции «Мир Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2012 г.), международном симпозиуме “The Changing Nature of Asian Relations from the 18th to the early 20th century” (Сингапур, 2011 г.), 10-м международном симпозиуме Европейской ассоциации религиоведов “New Movements in Religion” (Будапешт, 2011 г.), 10-м международном конгрессе монголоведов (Улан-Батор, 2011 г.), всероссийской конференции «Доржиевские чтения-IV» (Агинск, 2010 г.), международной конференции “Religion and Ethnicity in Mongolian Societies: Historical and Contemporary Perspectives” (Берн, 2009), международной конференции “Exploring Tibet's History and Culture” (Дели, 2009 г.), всероссийской конференции Доржиевские чтения-III (Улан-Удэ, 2008 г.), международном симпозиуме “Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts” (Саппоро, 2007 г.), международном семинаре “Russian Empire: Reappraisal of Recent Research Agenda” (Осака, 2007 г.). Кроме того, идеи, изложенные в диссертации, прошли апробацию во время семинаров, персональных лекций и дискуссий с коллегами во время стажировок в Принстонском институте фундаментальных исследований (2013-2014), Кембриджском университете (2011 г.), Центральном университете тибетологических исследований (Варанаси, 2008, 2009, 2010 гг.), в Славянском исследовательском центре Университета Хоккайдо (2008 г.). Отдельные главы диссертации обсуждались в рамках личных презентаций на Кафедре славянских языков и литератур Принстонского университета,

Уэзерхедском институте восточно-азиатских исследований Колумбийского университета и Отделе изучения центральной Евразии Индианского университета (2014 г.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, разбитых на 28 параграфов с выводами в конце каждого из них, заключения, списка использованных источников, архивных материалов и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** приводятся аргументы в пользу актуальности темы исследования, даны формулировки цели и задач исследования, определены его объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, изложены характеристики теоретико-методологической основы диссертации, раскрыта ее научная новизна и практическая значимость.

Первая глава **«Исторические формы взаимодействия буддийских общин с государством»**. В первом параграфе раскрыты идеи буддизма о светском правлении и взаимоотношениях ранней буддийской общины с государством. Утверждается, что уже в раннем буддизме сложился целый ряд концепций о светском монархе, которые помещали его на весьма высокий пьедестал в картине мироздания. Светский правитель в самой высшей своей ипостаси мог быть *чакравартином*, гармонизатором мира и, в этой связи, второй ипостасью Будды. Сублимация светского властителя приближалась к деификации, что впоследствии дало почву для различных культов такого рода в буддийских культурах от Таиланда до Тибета. Даже в более скромной локальной версии *дхармараджи* правитель наделялся эксклюзивным правом блюстителя законности и вершителя возмездия, несмотря на все возможные кармические издержки этой роли. Как гармонизатор вселенной и блюститель законов, монах выступал как защитник Дхармы и общины монахов, создающий условия для ее существования, процветания и распространения. Со времени Ашоки Маурья монарх получил право регулировать порядок внутри самой буддийской сангхи, выступать в

качестве «сторожевого пса» и защитника сангхи от девиаций, и даже определять пределы каноничности ритуалов, правил и текстов.

Во **втором параграфе** на примере стран распространения буддизма *тхеравады* показаны все возможные сценарии взаимодействия буддийской сангхи со светской властью: от государственного попечения в Сиаме до крайней маргинализации в Бирме. Но во всех этих случаях сангха изначально стремилась к сотрудничеству с государством, нуждалась в таком взаимодействии и никогда не оставалась с долгу, если таковое удавалось. Именно поэтому, говоря о Цейлоне или Сиаме, мы используем термин подчиненно-симбиотическое сосуществование буддийской сангхи в государстве. В обратном случае, как это произошло в Бирме и, отчасти, в Цейлоне периода британской колонизации, буддийская община становилась неисчерпаемым ресурсом для движения сопротивления колониальной администрации и христианской миссии. Однако такое происходило лишь в случае отказа властей от участия в жизни общины. В этом случае сангха деградировала, а ее сложная внутренняя иерархия без государственного вмешательства и регулирования исчезала.

В **третьем параграфе** рассмотрены примеры взаимодействия буддийской сангхи с правителями различных китайских династий, Японии и Кореи. Отмечается, что нигде в Восточной Азии буддизму так и не удалось стать доминирующей государственной религией, хотя временами буддистам и удавалось оттеснить своих идеологических противников от императорского престола, как в ранний период Тан в Китае. Жесткая конкурентная борьба с сильными автохтонными идеологиями, в которой буддизм зачастую проигрывал в силу своего иностранного происхождения, которое часто заведомо предполагало его «бесполезность и вредность», заставляла буддистов доказывать свою лояльность и полезность властям. Автономность от государственной машины и неподвластность правителю, которые буддийским общинам первое время удавалось отстаивать не без поддержки аристократии, очень скоро сменились в Китае полным контролем над его институтами, а в дальнейшем эти взаимоотношения были перенесены и в другие страны Восточной Азии – Корею и Японию.

Присущее традиционной политической культуре восточной Азии представление об имманентной сакральности власти, определяло более низкий статус буддизма в глазах правителей.

В **четвертом параграфе** рассмотрена тибетская модель взаимоотношений между светской властью и религиозной общиной, которая является ярким исключением из почти вездесущего правила подчинения религиозных институтов светским в буддийском мире. Эта модель зиждилась на нескольких уникальных технологиях, исторически получивших развитие именно в Тибете: альянс между духовным лицом и его светским покровителем (чойон), возможность сочетания в одних руках религиозного и политического начал (чойси сунтрел), культ божественного правителя (чойгьял) и институт прослеживаемого перерождения (тулку). Сами по себе эти технологии отнюдь не предполагали неременное верховенство духовного начала над светским. Скорее уникальный ход исторических событий и особенности развития религиозной культуры привели к тому, что на фоне слабости светской власти верховные позиции с готовностью были заняты монахами. Вероятно, время доказало нежизнеспособность такой модели, однако пример Тибета показателен в том, что он демонстрирует самостоятельный властный потенциал, который могла аккумулировать в себе буддийская община.

Регулирование внутримонастырской жизни со стороны правительства можно охарактеризовать как обслуживание интересов монастырей. Штаты для монастырей были определены, но в столь больших количествах, что монастыри не сталкивались с проблемой нехватки монахов. Напротив, правительство само оказывало монастырям поддержку в рекрутировании монахов и обязывало население отдавать сыновей в монастыри с малых лет. Разногласия между монастырями и правительством Далай-ламы, обострившиеся к середине XX века стали причиной краха тибетской модели государства. Однако, несмотря на частое противостояние с монастырским сегментом общества, Далай-ламы являлись признанными главами государства, чье верховное положение никогда не оспаривалось в тибетском обществе, ибо их власть основывалась на могущественной харизме института перерожденцев

и незыблемой вере в божественную сущность каждого Далай-ламы. Подтверждением этому служит хотя бы то, что хотя Далай-ламы отстранялись от власти и заменялись светскими правителями (правительство Канченная и Полханая в 1720 и 1728), или не доживали до совершеннолетия, так или иначе их возвращение к власти воспринималось населением как восстановление легитимной власти в Тибете.

В пятом параграфе первой главы диссертации главным образом рассмотрен период с конца XVI до конца XVII века, когда буддизм занял прочные позиции в Монголии. Традиция патронирования монгольскими ханами монашеских общин и крупных религиозных авторитетов привела к постепенному перемещению реальной власти в руки тулку (хубилганов) и крупных монастырей. Буддийская историография постепенно закрепила подчиненный статус светских покровителей буддизма, а обычное право закрепило за хубилганами и монашеством преимущественные права перед другими категориями населения. Как и в Тибете, в Монголии до Цинского владычества количество монахов никак не регулировалось, а монастыри оставались фактически автономными учреждениями, быстро превращающимися в крупные экономические учреждения.

В шестом параграфе первой главы диссертационного исследования анализируется специфика взаимоотношений между буддийской сангхой и Цинскими императорами, которая заключалась в постепенном укреплении контроля маньчжурской имперской администрации путем бюрократизации отношений и скрупулезного выстраивания иерархии, в которой светский суверен занимал доминирующее положение. Этот контроль был жизненно необходим маньчжурам для эффективного подавления независимого канала власти, который представляли собой институционализированные системы религиозных администраций в Тибете и Монголии. Приняв целый комплекс мер, среди которых наиболее важными были навязывание подчиненного статуса при проведении ежегодных обрядов принесения дани, введение штатного расписания в монастырях, должности светского распорядителя в монастырскую иерархию, постепенная узурпация права религиозной

инвеституры, установление контроля даже над институтом тулку (через использование «золотой урны» или обязательное правило поиска перерожденца в определенных регионах), введение должности пекинских первосвященников и, наконец, установление вертикали власти над монастырями Монголии, имперская администрация наладила эффективный надзор за буддийскими институтами Внутренней Азии.

Таким образом, в первой главе диссертации рассмотрены различные исторические модели взаимодействия буддийской сангхи и государственных образований в различных регионах Азии. Несмотря на некоторые различия, можно выделить несколько общих закономерностей, которые легко прослеживаются при внимательном рассмотрении процесса формирования этих моделей. Уже в буддийской Индии мы видим, как государство начинает нарушать паритет, который призывал соблюдать основатель религии в отношениях с властью. Светские суверены в Цейлоне, Бирме и Сиаме активно берут на себя право регулировать численность монашеского сегмента, определять границы каноничности и судить о соответствии монахов религиозно-этическим нормам. При этом мы наблюдаем, что сама община стремится к такому активному вмешательству государства, нуждается в нем и переживает кризис в период ослабления государственного порядка. Такая модель работает вне зависимости от того, откуда проистекает власть – из местных государственных образований или колониальной администрации. Там, где власть отказывается от функций регулятора духовной жизни, сангха испытывает кризис или уходит в оппозицию режиму.

Дальний Восток являет нам пример еще более активного государственного регулирования дел общины. Стремясь завоевать симпатии императора и изменить образ иностранной, «варварской» религии, буддизм, как правило, охотно подчинялся сильной власти. Но и здесь реакция на маргинализацию сангхи государством приводила к активной оппозиции буддийских обществ властвующему режиму. Тибето-монгольская модель диалога сангхи с государством стоит особняком, поскольку предполагает полное или значительное сращение монашеского сегмента с

государственным аппаратом с постепенным увеличением степени доминирования религиозных институтов над светскими. Но и здесь к началу XVIII века Цинская имперская администрация восстанавливает контроль светских институтов над религиозными.

К моменту начала экспансии буддизма из северной Монголии в Байкальский регион, буддийские ламы были носителями богатого исторического опыта взаимодействия с государством, который предполагал активное вмешательство светской власти в дела общины. Государственная власть в рамках такого мировидения представлялась сакральной, обладающей правами главного регулятора общинного порядка.

Вторая глава «Бурятская буддийская община в Российской империи XVIII в. – нач. XIX вв.: ранний этап административной практики» состоит из девяти параграфов. В **первом параграфе «Российская модель взаимоотношений с религиозными меньшинствами»** анализируются особенности политики Российской империи в отношении к многочисленным неправославным и нехристианским религиям, которые исповедовали различные народы, входившие или включенные в ее состав. Насильственная русификация и христианизация, имевшие место в петровский период и в правление его дочери Елизаветы, привели к отчуждению огромного числа подданных, создали базу для поддержки антиправительственных выступлений и бунтов (разинское и пугачевское восстания) и грозили успеху внешней политики России. В исследовании отмечается, что, несмотря на протесты православного духовенства, со второй половины XVIII века власти серьезно пересматривают пределы своей поддержки православия в его претензиях на расширение проповеди за очерченные ему государством рамки. Так, власти всегда сдерживали горячие порывы миссионеров на периферии империи, где недовольство населения могло привести к проблемам, к которым власти не были готовы в связи со своим слабым военным присутствием и близостью конкурирующих держав.

Конфессиональность лежала в основе социального порядка империи. Каждый подданный империи должен был относиться к определенной религиозной конфессии. Даже после 1905 года

официально подданные империи должны были соблюдать свою конфессиональную принадлежность, ибо империя не была готова в одиночасье отказаться от многовековой социально-конфессиональной структуры. Государство допускало переход из одной конфессии в другую, однако это было возможно только, если этот переход был из нехристианской в христианскую, или из нехристианской или христианской неправославной в православную религию.

Еще одной характерной чертой религиозной политики России имперского времени было стремление привязать различные этнические группы к различным религиям. Конфессия в сознании имперских чиновников была всегда тесно связана с понятием порядка и морали, пусть и в интерпретации аборигенов, но все же обладавшими некоторыми универсальными характеристиками, которые при определенной имперской «настройке» способны служить государственным интересам. Это заставляло власти к необходимости легитимации официальных религиозных администраций ценой подавления любых течений, которые они считали «еретическими» и ненормативными. Религиозные посредники между государством и общиной широко пользовались этим правом и находились в зависимости от имперской власти, сообщавшей власть и им. Такой подход обеспечивал властям лояльность элит религиозных меньшинств и зачастую приводил к их отчуждению от маргинализированных течений, в том числе и за рубежом. Платой за имперское покровительство для легитимных религиозных администраторов было их подчиненное положение властям, которое обеспечивалось их встроенностью в бюрократический аппарат.

Буддийским ламам предстояло строить общину в привычных и, в то же время, в весьма необычных условиях. Вполне готовые к жесткому государственному контролю и даже нуждавшиеся в нем, они должны были существовать в условиях постоянной осознанной маргинализации и носить на себе стигму культурной инаковости и чуждости.

Во втором параграфе «Первые упоминания о буддийских ламах и моленных юртах в русских документах» исследуются

ранние русские источники, в которых мы находим сведения о буддийских ламах в Байкальском регионе. Отмечается, что первые ламы появляются в ставках селенгинских и хоринских князей. Амбициозные лидеры, несомненно, копировали властные модели соседних монгольских ханов, в рамках которых в конце XVII века грамотные буддийские ламы занимали видное место. Помимо статусной легитимации и даже сакрализации властного положения ханов и князей, ламы выполняли обязанности дипломатических посредников или управляющих делопроизводственной частью.

В связи со сказанным возможны многочисленные параллели другими регионами традиционного распространения буддизма, где представители аристократии и правители рассматривали буддизм как источник легитимации их власти. Бурятских тайшей не обошла эта древняя мода на буддизм, символы и практики которого содержали в себе большой властный потенциал.

В третьем параграфе «Нерчинский и Кяхтинский договоры: начало автокефалии» показано, как в период окончательного разделения сфер влияния между Российской и Цинской империями и делимитации границ между ними российские власти были вынуждены отказаться от агрессивной христианизации восточных бурят в обмен на их лояльность. Отмечается, что первоначальная либеральная позиция российских властей в религиозном вопросе объяснялась военно-стратегическими приоритетами. Забайкалье было зоной фронта, и места расселения бурят прилегали к территориям Цинской империи, давно провозгласившей свое покровительство тибето-монгольскому буддизму.

Впоследствии, этот шаг приведет к закреплению буддизма в Забайкалье и целому комплексу связанных с этим проблем. Для всех государств без исключения мобильные группы, свободно передвигающиеся с места на место, представляют большую проблему. Буддийские ламы входили в эту категорию «проблемных», с точки зрения имперских администраций, групп. После снижения возможности свободного передвижения и четкого определения подданства, власти могли заняться вопросами интеграции жителей фронта в имперскую управленческую и социальную структуру.

В четвертом параграфе «"Инструкция пограничным дозорщикам": принципы регулирования буддийской общины» анализируется первый юридический документ, датирующийся 1727 г., регламентировавший принципы управления буддийской общиной бурят. Первое же узаконение, касающееся деятельности буддийской сангхи в Забайкалье, носило характер ограничения. Правила, отраженные в «Инструкции пограничным дозорщикам», носили двойственный характер: желание ограничить сочеталось в них со стремлением упорядочить и использовать в своих целях. Как отмечается в диссертации, автор «Инструкции» – российский дипломат Савва Владиславич Рагузинский (1669-1738) – определил вектор развития политики России в отношении буддистов, которая всегда будет характеризоваться этой амбивалентностью.

В пятом параграфе «Первые ламы Забайкалья: правительственные попытки учета и контроля» анализируются мероприятия правительства по учету численности и маршрутов передвижения первых буддийских лам в Забайкалье. Доступные источники позволяют сделать вывод о том, что инициаторами первых правил, регулирующих жизнь буддийской общины, могли быть сами ламы, которые воспринимали такую функцию государства как естественную и необходимую. Для российской администрации, которая на первых порах действовала, лишь реагируя на инициативы самих буддистов, эти правила носили смысл ограничения. Стратегической целью российской администрации в начале XVIII века было завоевание лояльности бурятского населения и ограничение их связей с соседней империей посредством блокирования религиозных каналов. Еще одним важным приоритетом российской политики в отношении буддийских лам в Забайкалье был контроль над их численностью. Главным образом этим объясняется стремление правительства централизовать управление общиной, консолидировав его в руках Главного ламы.

В шестом параграфе «Признание буддизма российскими властями и указ Елизаветы Петровны 1741 года» изложены доступные в архивах, источниках и литературе сведения об указе Елизаветы Петровны, фактически легитимировавшем буддийское духовенство и признававшим за последним российское подданство.

По своему духу распоряжение 1741 года было скорее ограничительным, нежели разрешительным, но при этом оно признавало за буддийскими ламами определенные привилегии, сходные с теми, что были закреплены за бурятской родовой знатью. По существу, все это можно трактовать и как косвенное признание буддийской религии. Вероятнее всего, издано оно было в правление малолетнего Иоанна VI и в регентство Анны Леопольдовны, как утверждают некоторые российские авторы, а сведения бурятских источников о причастности к нему императрицы Елизаветы Петровны можно считать либо ошибочными, либо обусловленными политической конъюнктурой.

Привлеченные нами источники и архивные документы свидетельствуют о том, что в 1741 году российские власти действительно официально признали легитимность буддийской общины в Забайкалье и начали вводить меры по регулированию численности монахов и путей их миграций.

Что можно уверенно утверждать на основании имеющихся материалов, так это то, что рост и постепенная экспансия буддийской сангхи в Забайкалье, а также, возможно, и инициатива самих лам, нуждавшихся в четком определении своего статуса в империи, подталкивает власти на разных уровнях к выработке внятной государственной религиозной политики.

В седьмом параграфе «Первые шаги к институционализации буддийской общины в Забайкалье» рассмотрены и подвергнуты анализу сведения по истории формирования буддийской администрации в Байкальском регионе. Утверждается, что формирование буддийской религиозной администрации в Забайкалье набирает скорость к середине XVIII века, когда конкурирующие религиозные центры, поддерживаемые различными родовыми лидерами, ищут подтверждения своего статуса со стороны российских властей на местном уровне. Очевидно, что в этот период имперские власти не были готовы к адекватному взаимодействию с общиной, а потому инициатива о государственном регулировании общины исходит от самих верующих. Власть лишь реагирует на их запросы, причем это реагирование происходит от низовых органов к вышестоящим и обратно. Российская администрация обеспокоена

ростом количества лам, но реальных механизмов сдерживания этого роста не имеет. Растущее число духовных беспокоит чиновников главным образом в связи с вопросами ясака и финансового обременения ясачного населения необходимостью содержать лам. В попытках выиграть экономическое соперничество с ламами власти рискуют оттолкнуть от себя значительную часть населения.

Российская политика первой половины XVIII века в отношении религиозных меньшинств (не только буддистов Забайкалья) еще не приобрела ясных контуров, однако во второй части этого столетия, почти полностью приходящейся на правление Екатерины II, будут сформулированы и реализованы новые принципы отношений империи с религиями.

В восьмом параграфе «Эпоха Екатерины II: сотрудничество и завершение процесса институционализации» анализируются процессы изменения российской вероисповедной политики в отношении религиозных меньшинств во второй половине XVIII века. Идеи камерализма и полицейского государства, популярные в России в эпоху Екатерины Великой, привели к некоторой либерализации вероисповедной политики в империи, в том числе и в отношении буддизма бурят. Личная встреча первого Бандидо Хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева с российской императрицей продемонстрировала обоюдный интерес государства и общины друг в друге. Для буддийского иерарха это был шанс обеспечить признание легитимности общины на высшем уровне и закрепить верховное положение титула Бандидо Хамбо-ламы в глазах бурятских буддистов. Империя в лице Екатерины II впервые обратила внимание на геополитические выгоды, которые влекли за собой связи бурятских буддистов с их единоверцами в Монголии и Тибете. Процесс формирования буддийской религиозной администрации в конце XVIII века входит в свою динамичную фазу, характеризующуюся обострением борьбы за лидерством между родовыми объединениями и тесно связанными с ними монастырями.

В девятом параграфе «Завершение процесса централизации общины» показано, что екатерининская эпоха дала чувствительный импульс развитию буддийской сангхи в Забайкалье и взаимодействию ее с государственной властью. Однако анализ

источников демонстрирует, что характерной особенностью этого периода является не только активизация взаимодействия между властями и сангхой, но и гораздо более активное участие в этом процессе последней, тогда как власть на всех уровнях не обладала компетенцией разрешения многочисленных проблем, возникавших внутри общины. Проводниками имперской политики по-прежнему являлись представители местного уровня власти (от уездных правлений до губернского правительства), которые в отсутствие надлежащего руководства со стороны имперского правительства и полноценной законодательной основы зачастую были вынуждены самостоятельно и бессистемно решать проблемы во взаимоотношениях с буддийской сангхой по мере их появления.

Анализ показывает, что главной проблемой, которая мешала развитию системы взаимоотношений между государством и централизованной буддийской администрацией, было отсутствие законодательной основы. В ясных и твердых правилах были заинтересованы обе стороны, и движение навстречу в этом вопросе мы наблюдаем уже в первой четверти XIX века.

Третья глава «Первые проекты религиозного законодательства (первая половина XIX века)» состоит из пяти параграфов. В первом параграфе **«Просвещенный либерализм Михаила Сперанского»** рассматривается реформа самоуправления коренных народов Сибири и их влияние на позиции буддизма в Байкальском регионе. Автор исследования приходит к выводу, что устав Сперанского продлил на некоторое время господство екатерининского принципа религиозного либерализма, но не мог повлиять на юридический статус общины, который все еще оставался неясным. Однако уже через десятилетие правительство Николая I поставит целью разработку такого законодательства. Проблемой было лишь то, что у разных ведомств были различные воззрения на принципы управления буддийским населением Восточной Сибири.

Во втором параграфе **«Павел Шиллинг фон Канштадт и первый устав по управлению буддийскими ламами»** анализируются причины и обстоятельства появления первых проектов законодательства по управлению духовными делами

буддистов Байкальского региона. Автором исследования рассмотрены сразу несколько вариантов стратегии государственного управления делами бурятских буддистов. В них легко угадывается начало затяжной борьбы между двумя подходами: либеральным и консервативным. После весьма предвзятого отчета о ревизии П. Успенского генерал-губернатор Восточной Сибири А. Лавинский предлагает отказаться от разработки отдельного корпуса правил для буддийской общины и ограничиться статьями в готовящемся проекте Свода степных законов – общего комплекса законов для управления степными народами Сибири на основе обычного права. Опасаясь, что жесткий вариант законодательства подорвет позиции России в Азии и усложнит торговые отношения с Цинской империей, Министерство иностранных дел спешно командировало своего сотрудника П.Л. Шиллинга, который составляет либеральный проект законодательства, по большей части основанный на пожеланиях самих бурятских буддистов (Кудунский устав). Интересно отметить, что «кудунские предложения» буддистов предполагали весьма глубокое участие светских властей в жизни общины, что в целом отвечало их традиционным представлениям о месте государства в жизни сангхи. Следует также заметить, что в Кудунском уставе ламы попытались задействовать опыт Цинской политики в отношении монгольских буддистов (введение должности засак-ламы как агента светской власти в общине, децентрализация общины через введение духовных округов, независимо подотчетных гражданским властям и т.д.). Время покажет, что российское правительство не было настроено на столь глубокое участие в жизни общины, склоняясь к упрощенным, но весьма жестким правилам регулирования духовных дел бурятских буддистов.

В третьем параграфе «Проект устава генерал-губернатора Лавинского» детально рассмотрен проект законодательства по управлению делами бурятских буддистов, разработанный губернскими властями, конкретно генерал-губернатором А.С. Лавинским. Можно констатировать, что, несмотря на в целом благоприятное впечатление предложений Лавинского на столичных чиновников, в 30-40-е годы возобладала осторожная позиция министра иностранных дел Карла Нессельроде, который предлагал

придерживаться более осторожного подхода в отношениях с буддийской сангхой из опасений нанести урон внешнеполитическим интересам России в Азии. Пример с провалом инициатив А.С. Лавинского демонстрирует, насколько противоречивыми были мнения властей по столь частному вопросу, как законодательство по утверждению правил регулирования дел буддийской сангхи. Империя не могла полагаться на мнение одного ведомства, не принимая во внимание позицию другого, особенно если это мнение было

столь некомпетентным, как мнение генерал-губернаторства. Несмотря на решимость продвинуть решение «ламского вопроса», проявленную властями, последний оказался сложнее, чем виделось прежде, и его окончательное решение затягивалось.

В четвертом параграфе «Селенгинско-хоринский устав 1841 года» представлены сведения о том, как буддисты, так и не дождавшись от властей свода правил и принципов управления буддийской сангхой, решают согласовать свои позиции по некоторым наиболее важным вопросам взаимоотношений общины монахов с мирянами. Кроме того, в этой части диссертации дается подробный разбор предложений бурятских лам, которые обозначены как «Селенгинско-хоринский устав 1841 года». Показано, что этот документ является удивительным примером давней стратегии буддистов активно искать каналы конструктивного взаимодействия с властями, даже если со стороны государства не наблюдается встречного импульса. После неудачи шиллинговского варианта законодательства бурятские ламы сумели показать способность анализировать причины неудач и идти навстречу доминирующим тенденциям. Их согласие на систему зависимости сангхи от родовых органов управления было шагом навстречу тем чиновникам, которые видели в такой зависимости ключ к эффективному контролю над делами сангхи. Возможно, таким образом буддисты пытались избежать появления более жесткого варианта правил. Еще одним важным наблюдением, которое мы можем сделать, анализируя Устав 1841 года, это внутренний процесс иерархизации сангхи. Эту тенденцию мы могли заметить еще в Кудунском уставе, но в Уставе

1841 года она приобрела особенно выразительные черты. Этот процесс может свидетельствовать об усложнении структуры сангхи.

В пятом параграфе «Ревизия камер-юнкера Левашева» изложены сведения об еще одном важном проекте законодательства по бурятским буддистам, составленном чиновником МВД камер-юнкером Левашевым. В результате проведенного анализа «левашевского устава» автор исследования приходит к выводу, что он целиком основывается на предложениях бурятских лам. Пусть и в совершенно неузнаваемом виде, но базовой основой для последнего устава по управлению буддистами был проект, составленный самими бурятскими буддистами в Кудунском дацане в 1830 году. Это является символом стремления самих буддистов участвовать в обсуждении правил своей жизни совместно с властями. Как мы уже отмечали выше, буддисты не желали быть пассивным объектом регулирования, и зачастую их предложения и варианты разрешения проблем, в которых их же по большей части безосновательно обвиняла власть, были более разумными, нежели консервативные и охранительные инициативы властей.

Рассматривая историю законодательных инициатив в сфере регулирования духовных дел бурятских буддистов, легко заметить, что российские проекты исходили из либеральной и консервативной точек зрения. В рамках первого подхода, которого придерживалось Министерство иностранных дел, особое внимание уделялось внешнеполитической конъюнктуре. На другом полюсе проблемы находились чиновники Главного управления Восточной Сибири и Сибирского Комитета, которые смотрели на внешнеполитическую ситуацию с иных позиций. Ослабление Цинской империи и агрессивное проникновение Британии на китайские рынки, по мнению провинциальных властей, развязывали им руки в «ламском вопросе». Третий подход, несомненно, более тяготеющий к точке зрения губернских властей, но все же учитывавший точку зрения МИДовцев, разрабатывался Министерством внутренних дел. Однако в первой половине XIX века ни одно из направлений не получило поддержки Николая I, и свод правил, по которым должны были управляться бурятские буддисты, так и не был принят.

Буддисты с готовностью шли на любые, даже самые обременительные предложения властей, такие, как полная зависимость религиозных чинов от мнения родоначальников и гражданских чиновников, бюрократизация общины и формализация ее отношений с властями, сокращение штатных единиц в монастырях. Однако власть не была готова к взаимодействию с общиной в этих вопросах и предпочитала спускать решения сверху.

Четвертая глава «Оформление системы управления буддийскими подданными в Российской империи во второй половине XIX-нач. XX века» состоит из шести параграфов. В первом параграфе «Буддийская религиозная администрация в середине XIX века» дается характеристика положения внутри буддийской общины Байкальского региона к середине XIX века. Несмотря на отсутствие твердых правил взаимоотношений между российскими властями и бурятской буддийской общиной, первая половина XIX века стала периодом стабилизации сангхи, окончательного закрепления ее центра в Гусиноозерском дацане и укрепления авторитета Бандидо Хамбо-ламы. К середине XIX века развитие буддизма в Байкальском регионе достигло некоего предела, установленного отчасти фактическим числом принявших к этому времени буддизм бурят и эвенков, а с другой стороны позицией властей, которые теперь жестко обрисовывали «черту оседлости» для бурятских лам. Затянувшееся обсуждение проектов законодательства, которое должно было определить разрешенное число лам и дацанов и установить механизмы назначения и смещения религиозных чинов, как бы притормозило деятельность общины. Множество проблем и вопросов оставались без решения и ответов до принятия долгожданных правил.

Во втором параграфе «Н. Н. Муравьев и Положение о ламайском духовенстве 1853 г.» рассматриваются обстоятельства появления на свет юридического документа, который будет регламентировать взаимоотношения российского правительства с бурятской буддийской сангхой до конца существования империи. В диссертации анализируется степень преемственности этого документа предыдущим проектам, а также конкретные заимствования из свода законов по управлению монгольским

населением Цинской империи. В данном параграфе рассмотрены как первоначальный, радикальный вариант Положения, разработанный лично генерал-губернатором, так и окончательная версия, прошедшая через редакцию Министерства внутренних дел. Рассмотренные в данном параграфе архивные документы с очевидностью демонстрируют, насколько могли расходиться точки зрения местных властей с позицией МВД по вопросу об управлении «иноверцами». Несомненно, имея дело с многочисленными религиозными меньшинствами, Департамент духовных дел иностранных исповеданий регулярно занимался разбором конфликтов и столкновений имперских властей с последователями неправославных религий, по большей части происходивших из-за излишних притеснений со стороны местных властей. Потому временами не только Министерству иностранных дел, но и МВД приходилось становиться на позиции защиты религиозных меньшинств во имя сохранения мира и стабильности на все еще слабо контролируемой имперской властью периферии. «Положение» существенно сокращало штатное число лам и дацанов, в сравнении с предыдущими проектами, ограничивало свободу передвижения лам, однако давало им большую степень независимости от органов бурятского самоуправления.

«Положение 1853 года» стало своего рода компромиссом между различными воззрениями на стиль управления бурятскими буддистами: по духу оно было выполнено в соответствии с запретительными проектами А.С. Лавинского и, отчасти, Левашева, но в то же время его текст имел прямую преемственность от Кудунского устава через проект Шиллинга.

В третьем параграфе «Конфликты, компромиссы и сотрудничество» анализируется поведение чиновников и представителей бурятской буддийской общины в ситуациях прямого конфликта. В период, когда православие возвращает свою гегемонию в сфере государственной идеологии, став важнейшей частью знаменитой уваровской троичной формулы имперской идеи, на передний план в государственном дискурсе выдвигается этническая составляющая имперского многообразия, а внутренние проблемы империи все чаще видятся через призму национальных

интересов. В Байкальском регионе обрусение и оправославливание, как осознанная государственная стратегия в отношении этнических и религиозных меньшинств, была построена не на интеграции, а на сегрегации и дискриминации. Деятельность Вениамина, который был горячим сторонником тотальной оппозиции буддизму со стороны государства, привела к попытке (впрочем, неудачной) пересмотра «Положения о ламайском духовенстве 1853 года».

Назначение в 1871 году Н.П. Синельникова генерал-губернатором Восточной Сибири привело к кратковременному религиозному преследованию бурят-буддистов, проявившемуся в сносе культовых объектов, запрете на ношение одежды красного цвета и т.п. В ситуации прямого конфликта с властью бурятские буддисты апеллировали к императору, которого считали гарантом своих религиозных свобод. Если это по тем или иным причинам было невозможно, то буддисты могли даже рассматривать возможность привлечения авторитетного посредника в лице Цинского императора. По мысли буддистов, государство имело право и даже было обязано вмешиваться в дела сангхи до того момента, пока буддисты были уверены, что это вмешательство не угрожает самому ее существованию.

Что касается действий российских властей в ситуации конфликта, то бюрократические механизмы, когда решение принималось только в результате длительных консультаций между различными правительственными ведомствами, служили своего рода фильтром для политики таких непримиримых политиков, как Вениамин, и жестких администраторов, каким был Н.П. Синельников.

В четвертом параграфе «Проблема религиозных миграций и варианты ее решения» анализируется проблема неконтролируемых религиозных контактов и миграций. Отмечается, что властям приходилось не только мириться с зарубежными связями буддистов, но и учиться использовать их в своих интересах. Невозможность обеспечить полную изоляцию подданных от влияния соседних империй вела Россию по пути установления контроля над каналами религиозного общения. В диссертационном исследовании на основе фрагментарных и далеко не полных материалов проведен

анализ того, как государство использовало официальную религиозную администрацию бурят-буддистов, возглавляемую Хамбо-ламой, если не для полной изоляции бурятской буддийской общины от остального буддийского мира, то для тотального контроля над «чужими ламами». Эта политика использования «своих» против «чужих» не ограничивалась буддистами. Напротив, религиозная политика России в XIX веке в целом не отличалась большой диверсификацией. Именно поэтому она закономерно приводила к одним и тем же последствиям в самых разных частях империи. В случае с буддистами, религиозная администрация приходила к осознанию общности своих интересов с империей и срачивалась с государственным аппаратом. Имперская политика взращивания лояльной церкви со временем достигала своей цели. Осознание общности интересов способствовало созданию отлаженной системы взаимодействия между государственной и религиозной бюрократиями. Так, еще вчерашние «свои» становятся «чужими», а зарубежное духовенство, из которого когда-то сформировалась община, становится соперником в борьбе за «души верующих». Однако слияние с государственным аппаратом сопровождалось обезличиванием официальной буддийской администрации, неизбежной утерей ею религиозной харизмы. И борьба с «чужими» в определенном смысле приводила отчуждению от «своих».

В пятом параграфе **«Вопросы издательской деятельности дацанов и цензура»** рассматривается попытка российских цензурных органов распространить свою деятельность и на бурятскую буддийскую литературу. Сам факт издательской деятельности бурятских дацанов, а также объемы закупки религиозной литературы из-за рубежа, рассматривались властями как серьезная проблема, требующая контроля и решения. Буддийская литература попала под пристальное внимание цензурных органов в конце XIX века. Возможно, определенное влияние на правительственные меры по ограничению издательской деятельности буддийских дацанов и введение цензуры на буддийскую литературу оказали миссионеры и консервативные публицисты, которые старательно и методично формировали в

российском обществе образ буддизма как «враждебной антиправославной силы». Однако, цензура буддийской литературы в России, как показывают архивные материалы, закончилась, так и не успев начаться. Причиной тому стала не только неспособность властей отладить механизм цензурирования на фоне недостатка специалистов, но и общий кризис института цензуры в России.

Система идеологической цензуры Российской империи к концу XIX века стала захлебываться от вала печатной литературы, поступавшей из-за рубежа и производившейся внутри России. В стремлении снизить зависимость бурятских буддистов от иностранной религиозной литературы в 1880 году власти запретили ввоз и печать буддийской литературы без предварительного просмотра оттисков и книг. Однако эта мера установления контроля за содержанием религиозной литературы неизбежно упиралась в проблему недостатка квалифицированных специалистов в области религиозной литературы на монгольском и тибетском языках и невозможности установления эффективного контроля. Государство уже к 80-м годам XIX века обнаружило неспособность контролировать печатное слово, однако при этом цензурные комитеты не находили ни достаточной материальной, ни организационной поддержки со стороны правительства.

В шестом параграфе «Временная инструкция об управлении делами Ламайского духовенства в Иркутской губернии» 1890 г.» анализируются обстоятельства и последствия вступления в силу особой инструкции, по которой бурятская буддийская сангха фактически подвергалась расчленению. Эпоха Александра III и Николая II стала временем дальнейшего обострения отношений между государством, православной миссией и буддийской сангхой и вообще широким наступлением государства на права религиозных меньшинств. В июле 1890 года Министерством внутренних дел во исполнение решения Комитета министров от 20 июля 1889 года была составлена и утверждена Временная инструкция об управлении делами Ламайского духовенства в Иркутской губернии. Формально данная инструкция была частью и следствием процесса выделения Забайкальской области из Восточной Сибири с последующим подчинением ее

Приамурскому генерал-губернаторству. Смысл этих решений состоял в отторжении двух дацанов – Кыренского и Аларского, находившихся на территории Иркутской губернии, от всей остальной буддийской общины, административно входившей в состав Забайкальской области в составе Приамурского генерал-губернаторства, чтобы со временем отодвинуть границы распространения буддизма на юго-восток и обеспечить условия для полной христианизации добайкальских бурят.

Наступление консервативно-охранительно настроенных чиновников на позиции бурятских буддистов было остановлено лишь после Революции 1905 г., когда Николай II был вынужден подписать Указ об укреплении начал веротерпимости. На состоявшемся в мае 1905 года Особом совещании Кабинета министров было специально рассмотрено ходатайство иркутских бурят о подчинении их ведению Забайкальского первенствующего Ламы и принято решение о восстановлении юрисдикции Бандидо Хамбо-ламы на дацаны Иркутской губернии. Целостность сангхи была восстановлена, а сама кампания по отделению иркутских дацанов от забайкальских показала усиление центростремительных тенденций в буддийской общине Байкальского региона.

Одним из важных выводов диссертационного исследования, сделанных в четвертой главе, заключается в том, что все рассмотренные в диссертации конфликты не стоит рассматривать через призму противостояния между бурятской буддийской общиной и империей. Защищая свои права, буддисты не только использовали противоречия, заложенные в системе администрирования громадной по своим размерам империи, но и искали союзников в среде либерально настроенных чиновников, общественных деятелей и академических исследователей. Они смотрели на империю не как на враждебную силу, но как на поле возможностей и сферу симбиотического взаимодействия. Взгляды русского общества на буддизм также не были едиными и неизменными.

Пятая глава «Бурятская буддийская община и российское общество: проблемы взаимного восприятия» состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«Российская империя глазами буддистов»** на основе монгольязычных и тибетоязычных

источников дается развернутая характеристика особенностей восприятия бурятскими буддистами Российской империи и православия. Их представления о географии распространения буддийского учения и связанный с ними концепт буддийского мира естественным образом предполагал существование небуддийских земель. Цивилизационная миссия буддизма, следовательно, заключалась в донесении истинного учения и правильных представлений о бытии и спасении до заблуждающихся, недобродетельных и невежественных. Теория распространения религии на новых пространствах предполагала задействование стратегии, обозначаемой концептуальным санскритским термином *упаякаушалья* (тиб. *thabs mkhas*; монг. *bilig-tü aγ-a*) – «искусные методы». Сохранение и продвижение дхармы, по мысли буддийских элит, возможны были только при условии создания достаточных для этого условий со стороны властей. Из вышеприведенного фрагмента мы видим, что меры по преодолению неблагоприятной конъюнктуры начинаются с попыток обращения императора, как это не раз уже происходило в истории экспансии буддизма в Азии. Концепт империи имел особое значение для буддистских проповедников, пришедших в пределы России из Цинского государства, поставившего в основу стратегии своей экспансии патронирование буддийской дхармы в тибето-монгольской традиции гелукпа. Российская империя, как и Цинская, безусловно, представляла собой поле возможностей для буддийской сангхи. Ламы нуждались в империи, так же, как и, как было показано выше, империя нуждалась в них. С момента первых попыток строительства устойчивых религиозных институтов буддисты стали проявлять живую заинтересованность в санкционировании этих институтов со стороны империи не только на региональном уровне, но и в лице верховной власти. «Понимание законов страны», создание образа «славного народа, не идущего вразрез с законами империи» в глазах буддистов виделось одной из частей стратегии по продвижению своей религии и свидетельством его благотворного влияния. В условиях российской империи буддизм занимал периферийное положение и мог рассчитывать только на статус терпимой государством конфессии, а потому здесь в условиях систематических ограничений буддисты,

помимо официальных каналов, были вынуждены задействовать и другие способы для сохранения и даже распространения своей веры. И калмыки, и буряты для защиты своих религиозных интересов активно использовали противоречия, заложенные в системе администрирования громадной по своим размерам империи, создавали пробуддийское лобби в среде чиновников и академических исследователей.

Во втором параграфе «Буддизм в глазах православного духовенства, чиновников и общественности» рассматривается история отношений между православными христианами и бурятскими буддистами, а также эволюция взглядов на буддизм, господствовавших в русском обществе в XIX веке.

Формально находясь в подчиненном положении по отношению к государственным институтам, Церковь в имперской России, тем не менее, пользовалась исключительным статусом. Государство полагало своим долгом обеспечивать ее господство в империи и содействовать ее распространению на всей территории, куда простиралась его власть. Православное миссионерство упорно держалось мнения о буддизме как о вере, принципиально не отличающейся от язычества, тем самым подчеркивая бездуховность бурят и отсутствие каких-либо препятствий для миссионерской деятельности среди бурят-буддистов. Как и в случае с исламом, буддизму противопоставляется христианство как религия разума, прогресса и высокой культуры, несущая «благотворное влияние», «свет высшей жизни», и «первые лучи гражданственности». Таким образом, православные миссионеры и сочувствовавшие им публицисты старательно внедряли в массовое сознание идею о примитивности «буддийского суеверия» и отсутствии объективных оснований считать его религией. Более того, буддизм в их глазах был опасным суеверием, антонимичным самой идее цивилизации и гражданственности, и в этом миссионеры пытались убедить общество и власти. На основе множества публицистических статей и книг, написанных православными полемистами, в диссертации дается анализ господствовавших в разное время предрассудков, касавшихся буддизма и буддистов.

Однако со временем чрезмерное сгущение красок в миссионерских очерках и отчетах в вопросах «ламских злоупотреблений» стало вызывать в обществе недоверие. Отчаянное стремление православных авторов не допустить выхода буддизма из разряда «идолопоклоннического суеверия» в разряд религии постепенно сменялось горьким признанием фатальной недооценки этой веры. Изменение отношения к буддизму в России, интерес к российским буддистам на стыке веков прослеживается в отчетах чиновников, наблюдениях журналистов и светских публицистов. В последние годы XIX столетия в русской либеральной прессе встречаются статьи, в которых буддизм описывается как жертва чиновничьего и миссионерского произвола.

Несмотря на активные усилия православных публицистов, власти редко шли на прямое противостояние с буддийской общиной, руководствуясь соображениями безопасности на далекой приграничной периферии. Но нельзя сказать, что эти усилия пропадали втуне. Во второй половине XIX века не без влияния миссионеров власти решались на некоторые репрессивные действия в отношении буддийской сангхи и активизацию политики христианизации бурят, которые, впрочем, не привели к существенной утере позиций буддистов в Забайкалье.

Сращенность православного христианского духа с идеей русской государственности и, шире, с идеей власти как таковой, делала православных миссионеров в их отношениях с представителями других культур и религий в гораздо большей степени носителями ориенталистской идеологии, нежели в случае с профессиональными востоковедами и этнографами. Ориенталистский взгляд еще сильнее проявлялся в православном дискурсе, когда миссионеры становились на позиции исследователей, и в этом случае они естественным образом были подвержены стереотипам, свойственным в то время западной и российской академической буддологии. Вооруженные идеями знания и власти через знание, миссионеры смотрели на это знание как на инструмент практической политики. Они энергично пытались навязывать свое «экспертное» мнение властям для участия в формировании официальной политики в отношении буддизма.

Нельзя сказать, что эти попытки всегда были успешными, но с мнением миссионеров считались многие столичные и местные администраторы и востоковеды.

В стремлении к строительству диалога с русским обществом буддисты неизменно сталкивались с непримиримой оппозицией в лице господствующей в России конфессии. К концу XIX века эта оппозиция обострилась до предела. Миссионеры задействовали описанные Мишелем Фуко технологии власти через знание, пытались бороться с «зловредным суеверием» не только путем лоббирования в столичных и губернских органах власти, но и через изучение буддизма. Однако попытки рационального осмысления буддизма, предпринимавшиеся православными интеллектуалами, всегда были сугубо формальными. Исследовательский поиск не был для них самоцелью, но лишь удобной формой, с помощью которой они могли эффективнее добиваться целей идеологического доминирования и утверждения своего авторитета.

В **Заключении** изложены основные выводы и заключения диссертационного исследования. Процесс взаимодействия буддийской общины с органами власти различных уровней в Российской империи подчинялся той же логике, что присутствовала при формировании буддийских общин во многих других регионах традиционного распространения буддизма:

а) бурятская буддийская община воспринимала Российское государство как важнейшего и жизненно необходимого агента, призванного участвовать в формировании основ ее внутренней организации;

б) с точки зрения самих буддистов, Российское государство было призвано осуществлять регулирующие функции, предполагавшие, в том числе, и введение ограничений на штат монашествующих и количество монастырей, разработку правил, по которым в дальнейшем должны были выстраиваться взаимоотношения;

в) легитимирующая функция государства заключалась в узаконении положения буддийской общины в империи и утверждении ее руководящего центра;

г) община была готова к высокой степени доминирования государства, однако в случае угрозы основам ее существования задействовала механизмы самозащиты, включавшие гражданское неповиновение, апелляцию к высшим государственным инстанциям, привлечение стороннего авторитета (в лице Цинского императора);

д) формирование основ организации бурятской буддийской сангхи происходило в форме *взаимодействия* между членами религиозной общины и государственными служащими, а потому бурятскую буддийскую общину нельзя рассматривать исключительно как объект государственно-конфессиональной политики, но и как ее активного агента.

С другой стороны, эволюция этих взаимоотношений укладывается в общую политику Российской империи в отношении других религиозных меньшинств. Так, сложившиеся к началу XVIII века принципы религиозной политики Российской империи в целом соответствовали представлениям бурятских буддистов о доминирующей роли государства в жизни религиозной общины:

а) государство стремилось к роли высшего источника власти и арбитра для бурятской буддийской общины на своей территории;

б) поскольку центры тибето-монгольского буддизма находились за пределами империи, государство прикладывало усилия по эффективной изоляции сангхи от этих центров;

в) осознавая свою неспособность достичь конфессиональной и культурной гомогенности в империи вообще и в Байкальском регионе в частности, государство стремилось остановить рост буддийской общины, очертить четкие границы ее географического распространения, создать условия благоприятствования для работы православной миссии;

г) для законотворческой практики в сфере религиозной политики Российской империи было характерно поддержание принципа множественности юридических режимов при утверждении собственного права быть абсолютным источником власти;

д) стремление к культурной и конфессиональной гомогенизации неизменно наталкивалось на необходимость поддержания безопасности во фронтальной зоне и продвижения

внешнеполитических и внешнеторговых интересов. Как правило, это столкновение происходило в форме межведомственной борьбы.

Таким образом, взаимодействие между Российской империей и организованной буддийской общиной бурят, входивших в состав империи, было сложным процессом, исследовать который стало возможным только через привлечение российских и монголо-тибетских источников в рамках ситуационного и макрорегионального подходов.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Монографии

1. Цыремпиллов, Н. В. Буддизм и империя: бурятская буддийская община и Российское государство в XVIII – нач. XX в. (Улан-Удэ: изд-во «Буряад-Монгол Ном», 2013). 19,5 п.л.

2. Tsyrempilov, Nikolay. From Tibet Confidentially. The Secret Correspondence of the Thirteenth Dalai Lama to Agvan Dorzhiev, 1912-1925. / Jampa Samten and Nikolay Tsyrempilov. – Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2012. – 183 p. На англ. яз.

3. Цыремпиллов Н.В. Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющееся «Брод, ведущий к удивительно благому делу». / Введение, перевод, комментарии Николая Цыремпилова. – Улан-Удэ, Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2008. – 311 с.

4. Tsyrempilov, Nikolay. Catalogue of the gSung 'bum Section of the Tibetan Collection of the Center of Manuscripts and Xylographs of IMBTS. Vol. 1. Pre-dGe lugs and early dGe lugs. / Andrey Bazarov and Nikolay Tsyrempilov – Серия Monumenta Mongolica. – Улан-батыр, 2008. – 413 p. На англ. яз.

5. Tsyrempilov, Nikolay. Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. / Compiled by Nikolay Tsyrempilov. – Серия CNEAS Monograph Series, № 17. – Sendai, 2004. – 309 p. На англ. яз.

6. Tsyrempilov, Nikolay. Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M II of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. / Compiled by Nikolay Tsyrempilov. – Серия CNEAS Monograph Series, № 24. – Sendai, 2006. – 413 p. На англ. яз.

Разделы в коллективных монографиях

7. Цыремпиллов, Н.В. Цыден Содоев. / Н.В. Цыремпиллов // Энциклопедия «Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье». – Москва: Изд-во ДИК. – С. 282-85.

8. Цыремпиллов, Н.В. Поэма Л-С. Цыденова «Лечу по небу» / Н.В. Цыремпиллов. // Энциклопедия «Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье». – Москва: Изд-во ДИК. – С. 292-295.

9. Цыремпиллов Н.В. Бурятские учителя в Тибете / Н.В. Цыремпиллов. // Энциклопедия «Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье». – Москва: Изд-во ДИК. – С. 292-295.

10. Цыремпиллов Н.В. Буддийская старомонгольская печатная литература в Бурятии. / Н.В. Цыремпиллов. // Энциклопедия «Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье». – Москва: Изд-во ДИК. – С. 218-221.

11. Цыремпиллов Н.В. Ранний этап распространения и утверждения буддизма в российском Забайкалье. / Н.В. Цыремпиллов // Буддизм в истории и культуре бурят. Коллективная монография под ред. И.Р. Гарри – Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. С. 4-35.

12. Цыремпиллов Н.В. Буддизм и российское государство в XVIII веке / Н.В. Цыремпиллов // Буддизм в истории и культуре бурят. Коллективная монография под ред. И.Р. Гарри – Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. С. 36-65.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях (в соответствии с перечнем ВАК)

13. Цыремпилов Н.В. Биография Чжамьян-Шадбы I как источник по истории Тибета конца XVII-начала XVIII века // Восток (Oriens) – 2001 – № 5. – С. 111-118.

14. Цыремпилов Н.В. Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье / Н.В. Цыремпилов // Восток (Oriens) – 2007 – № 6 – Ноябрь-Декабрь. – С. 45-52.

15. Цыремпилов Н.В. Российская Империя глазами бурятских буддистов XVIII – начала XX в. Историко-антропологическое исследование / Н.В. Цыремпилов // Восток (Oriens) – 2010 – № 5. – С. 49-62.

16. Цыремпилов Н.В. «Чужие ламы». Политика Российской империи в отношении заграничного буддийского духовенства в XVIII-начале XX вв. / Н.В. Цыремпилов // Вестн. С. Петерб. ун-та. – 2010. – Сер. 13. – Вып. 4. – С. 9–18.

17. Цыремпилов Н.В. Цыремпилов Н.В. Буддийская община и монархическая власть в раннем Тибете: эволюция и специфика взаимоотношений / Н.В. Цыремпилов // Вестник Бурятского государственного университета. – Сер. Востоковедение. – 2012. – Вып. 8 – С. 250-254.

18. Цыремпилов Н.В. «Зловредное суеверие» или «лучшая из языческих религий»? Буддизм в православной публицистике XIX - начала XX века / Н.В. Цыремпилов // Религиоведение. – 2012. – № 4. – С. 132-146.

19. Цыремпилов Н.В. Фонды востоковедов — Тибетско-монгольский 1913 года: реконструкция истории и причин создания в свете новых источников / Н.В. Цыремпилов // Страны и народы Востока. – 2012. – № XXXIV. – С. 34-48.

20. Цыремпилов Н.В. Буддийский авангард: метаморфозы бурятской буддийской сангхи в России (XVIII – начало XX вв.) / Н.В. Цыремпилов // Новый исторический вестник – 2012. – № 3(33) – С. 26-36.

21. Цыремпилов Н.В. Буддизм в России: прошлое и настоящее / Н.В. Цыремпилов // Власть. – 2013. – № 4. – С. 84-87.

22. Цыремпилов Н.В. Исторические реалии цензуры буддийской литературы в Российской империи / Н.В. Цыремпилов // Вестник Иркутского гос. Техн. Ун-та. – Рубрика Гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 233-237.

23. Цыремпилов Н. В. Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. - 2014. - № 3 (39). Востоковедение. - С. 96-109.

24. Цыремпилов Н. В. От символьного альянса к политической гегемонии. Цинская империя и тибето-монгольская буддийская община в XVII-XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. - Вып. 8 : Востоковедение. - С. 173-176.

25. Цыремпилов Н.В. Российско-Цинские договоры XVII-XVIII вв. и статус тибето-монгольского буддизма в Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. - Вып. 7: Востоковедение. С. 125-129.

26. Бадмацыренов Т.Б., Родионов В.А., Цыремпилов Н.В. Российский буддизм в интернет-измерении. // Власть. – 2015. – № 7. – С. 125-130.

В научных журналах и изданиях, индексирующихся в международной системе цитирования Web of Science:

27. Tsyrempilov, Nikolay. dGe lugs pa divided: Some Aspects of the Political Role of Tibetan Buddhism in the Expansion of the Qing Empire // Power, Politics, and the Reinvention of Tradition: Tibet in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Ed. by Cuevas B.J., Schaefer K.R. Brill, Leiden, 2006. P. 47-64. На англ. яз.

28. Tsyrempilov N. Review of Johan Elverskog's Our Great Qing: The Mongols, Buddhism, and the State in the Late Imperial China / Nikolay Tsyrempilov // The Journal of Religion. July 2007. – Vol. 87. – Number 3. – P. 486-487.

29. Tsyrempilov N. Review of Ronald Davidson's Tibetan Renaissance: Tantric Buddhism in the rebirth of Tibetan culture /

В научных журналах и изданиях, индексирующихся в международной системе цитирования Scopus:

30. Цыремпиллов Н.В. Буддийский авангард: метаморфозы бурятской буддийской сангхи в России (XVIII – начало XX вв.) / Н.В. Цыремпиллов // Новый исторический вестник – 2012. – № 3(33) – С. 26-36.

31. Tsyrempilov N. ‘Alien’ Lamas: Russian Policy toward Foreign Buddhist Clergy in the Eighteenth to Early Twentieth Centuries / N. Tsyrempilov // Inner Asia – 2012. – 14 – С. 245-256. На англ. яз.

32. Tsyrempilov N. The Open and Secret Diplomacy of Tsarist and Soviet Russia in Tibet: the Role of Agvan Dorzhiev (1912-1925) / Nikolay Tsyrempilov // Asiatic Russia. Imperial power in regional and international contexts. – Routledge: London and New York, 2012. – P. 216-234. На англ. яз.

В сборниках научных трудов, материалах конференций и научных журналах

33. Цыремпиллов Н.В. О монгольских переводах литературы традиции «красношапочников» / Н.В. Цыремпиллов // Тезисы докладов XX конференции по историографии стран Азии и Африки. – Санкт-Петербург – 2000.

34. Цыремпиллов Н.В. Деятельность Чжамьян-Шадбы I в Амдо (по материалам биографии Чжамьян-Шадбы I Агван-Цзондуя «Причал к удивительно благому делу») / Н.В. Цыремпиллов // Культура Центральной Азии: письменные источники: Сб. ст. – Улан-Удэ – 2001. – С. 23-27.

35. Цыремпиллов Н.В. Некоторые замечания к биографии Чжамьян-Шадбы I Агван-Цзондуя / Н.В. Цыремпиллов // Мир буддийской культуры. – Улан-Удэ – 2001. – С. 67-81.

36. Цыремпиллов Н.В. О возникновении линии перерожденцев Чжамьян-Шадбы / Н.В. Цыремпиллов // Мир

Центральной Азии: материалы международной конференции. – Улан-Удэ – 2002. – С. 112-113.

37. Tsyrempilov N. Some notes on the Biography of 'Jam dbyangs bzhad pa I Ngag dbang rtson grus / Nikolay Tsyrempilov // Archiv orientalni. Quarterly Journal of Asian and African Studies. – Praha – 2003. – С. 26-32. На англ. яз.

38. Tsyrempilov N. Gerukuha no seito to hiseito. Chibetto bukkyo no futatsu no seijiteki seiryu / Nikolay Tsyrempilov // Waseda daigaku mongoru kenkyusho koenkai kiroku. – Dai 2 go. – Tokyo – 2003. – С. 17-24. На япон. яз.

39. Цыремпиллов Н.В. О работе над описанием коллекции М I монгольского фонда Отдела памятников письменности ИМБиТ СО РАН / Н.В. Цыремпиллов // Письменное наследие монгольских народов: материалы I Международного семинара 2-6 августа 2004 г. – Улан-Удэ – 2004. – С. 142-148.

40. Tsyrempilov N. About unknown correspondence between Damsang Damdul Tsarong and Agvan Dorjiev in 1924 / Nikolay Tsyrempilov // The International Symposium on Mongolian Studies in China. – Huhhot, China – 2005. – P. 236-237. На англ. яз.

41. Цыремпиллов Н.В. О неизвестном письме Агвану Доржиеву от главнокомандующего тибетской армией Царон-шапэ / Н.В. Цыремпиллов // Буддийская традиция: история и современность. Юбилейные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Агвана Лобсана Доржиева. Материалы конференции 25-27 ноября 2004 г. – Санкт-Петербург – 2005. – С. 94-106.

42. Цыремпиллов Н.В. Бурятский фактор в геополитике монгольских народов / Н.В. Цыремпиллов // Монголчуудын аж ахуйб эдийн засгийн түүх (уламжлал, шинэглэл). Эрдэм шинжилгээний бага хурлын эмхтгэл. – Улаанбаатар – 2006. – С. 351-354.

43. Tsyrempilov N. Dge lugs pa Divided: Some Aspects of the Political Role of Tibetan Buddhism in the Expansion of the Qing Dynasty / Nikolay Tsyrempilov // Critical Readings on the History of Tibetan Foreign Relations. Ed. by Saul Mullard. Vol. II. Brill: Leiden, Boston, 2013. P. 483-499. На англ. яз.

44. Цыремпилов Н.В. Цыден Содоев. Тайны личности Цыдена Содоева / Н.В. Цыремпилов // Байкал. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – Март-Апрель. – № 2. – 2007. – С. 181-186.

45. Tsyrempilov N. Samdan Tsydenov and his Buddhist Theocratic Project in Siberia / Nikolay Tsyrempilov // Biographies of eminent Mongol Buddhists. PIATS 2006: Tibetan studies: Proceedings of the Eleventh Seminar of the International Association for Tibetan studies, Konigswinter 2006. Ed. by Johan Elverskog. – Institute for Tibetan and Buddhist studies, 2008. – P. 117-138. На англ. яз.

46. Цыремпилов Н.В. За святую Дхарму и Белого царя: российская империя глазами бурятских буддистов XVII-XVIII веков / Н.В. Цыремпилов // Ab Imperio. – 2/2009. – P. 105-130.

47. Цыремпилов Н.В. Тибетоязычная агиография Пандито Хамбо ламы Дамба-Даржа Заягийна / Н.В. Цыремпилов, И.И. Цыремпилова // От Дуньхуана до Бурятии: по следам тибетских текстов. Российские тибетологи к 80-летию со дня рождения Регби Ешиевича Пубаева: Сб. ст. – Улан-Удэ – Изд-во БНЦ СО РАН – 2009. – С. 258-271.

48. Цыремпилов Н.В. «Ординарный человек» и буддийская книжность / А.А. Базаров, Н.В. Цыремпилов // От Дуньхуана до Бурятии: по следам тибетских текстов. Российские тибетологи к 80-летию со дня рождения Регби Ешиевича Пубаева: Сб. ст. – Улан-Удэ – Изд-во БНЦ СО РАН – 2009. – С. 41-48.

49. Цыремпилов Н.В. О коллекции сумбумов Тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (до-гелугпинский и раннегелугпинский периоды) / А.А. Базаров, Н.В. Цыремпилов // От Дуньхуана до Бурятии: по следам тибетских текстов. Российские тибетологи к 80-летию со дня рождения Регби Ешиевича Пубаева: Сб. ст. – Улан-Удэ – Изд-во БНЦ СО РАН – 2009. – С. 170-175.

50. Цыремпилов Н.В. Буддизм в христианской империи: трансформации бурятской буддийской сангхи в имперской России / Н.В. Цыремпилов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 3 – Улан-Удэ – С. 88-99.

51. Цыремпилов Н.В. Новые сведения о советско-тибетских отношениях в 20-х годах XX в. / Н.В. Цыремпилов // Письменные памятники Востока – 2011. – № 2(15) – Осень-зима – С. 238-247.
52. Цыремпилов Н.В. О результатах проекта «Наследие культуры трансгималаев» / А.А. Базаров, Ц.П. Ванчикова, Ю.Ж. Жабон, О.С. Ринчинов, Н.В. Цыремпилов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 3. – С. 200-208.
53. Цыремпилов Н.В. Начало научной тибетологии в Бурятии. Очерк первый / А.А. Базаров, Н.В. Цыремпилов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 2. – С. 21-29.
54. Цыремпилов Н.В. Тибетология советского периода в Бурятии. Очерк второй. / А.А. Базаров, Н.В. Цыремпилов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 3. – С. 228-242.
55. Цыремпилов Н.В. Архивные документы по истории буддизма в Российской империи теперь доступны онлайн / Н.В. Цыремпилов // *Tartaria Magna*. – 2012. – № 2 – С. 177-180.
56. Zyrempilov, Nikolaj. Buddhismus in Russland / N. Zyrempilov // *Religion und Gesellschaft in Ost und West* – 2012. – 10 – P. 11-13. На нем. яз.
57. Цыремпилов Н.В. Наставления Будды Шакьямуни. // Восточная коллекция. - № 3(54). - 2014.
58. Tsyrempilov, Nikolay. Buddhist Minority in a Christian Empire: Buryat Religious Survival and Identity Problems in Russia in the 18th – early 19th Centuries // *Religion and Ethnicity in Mongolian Societies. Historical and Contemporary Perspectives*. Ed. By Karenina Kollmar Paulenz, Tatiana D. Skrynnikova and Seline Reinhard. *Studies in Oriental Religions Series*. Vol 69. Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, 2014. P. 61-78. На англ. яз.
59. Цыремпилов Н.В. Кудунская тократия Лубсан-Самдан Цыденова: истоки, содержание и хронология событий. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2/2014. С. 22-48.